

Елена Самойлова

В ТЕНИ ОХОТНИКА

**Книга I.
Перекрестье Дорог**

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
С17

Самойлова, Е.

С17 В тени охотника. Книга I. Перекрестье Дорог / Е. Самойлова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 326 с. — (Легенды Западного холма).

ISBN 978-5-521-92033-4

Так устроено в Срединном мире, что быть со временем превращается в легенду, а потом всего лишь в сказку, рассказанную бродягой у костра. В красивую и пугающую сказку о чудовищах из Сумерек, что наблюдают из каждой тени, о потомках этих чудовищ, ставших «малым народцем», и о таинственных спутниках, что могут одним своим присутствием увеличить силу смертного волшебника...

Молодой чародейке Арайе придется на собственном опыте узнать, сколь велика доля правды в таких сказках — и ценой этого знания станет путь назначенной жертвы в охоте сроком на семь лет и один день.

Впрочем, для охотника, ставшего ее тенью, дорога к свободе окажется еще труднее...

BIC FM
BISAC FIC009000

© Елена Самойлова, текст, 2020
© Юлия Пасынкова, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-92033-4

*Автор выражает благодарность
Евгении Шпилевой и Елене Семиколенных
за героическую стойкость
при создании романа и вычитке,
всестороннюю поддержку и бесценные консультации.*

Пролог

Говорят, в мире почти не осталось чудовищ. Те, кто осмелились когда-то проникнуть к людям с изнанки тени, были изгнаны почти три сотни лет назад обратно в бесконечный мрак великим волшебником из рода людей. Шло время, и подвиг Кармайкла Огненного обрастал новыми подробностями, превращаясь из истории в легенду. Старые сказки о падении Сумерек еще хранили в себе намеки на то, что в том последнем, решающем бою волшебник сражался не один, что помогали ему ши-дани из Алгорского Холма и штормовой ветер с далекого океана, но нынешние менестрели пели совсем другую песню. О том, что лишь вера волшебника в собственные силы, величайшее упорство в достижении цели и огромная удача помогли ему одолеть сумеречную королеву, прогнать чудовищ во мрак и навеки закрыть им обратную дорогу. Вот только сил на то, чтобы сохранить собственную жизнь, Кармайклу Огненному не хватило. Остался он на том выжженном поле, и приняла его земля людей, как великого героя. Приняла без остатка, а в качестве надгробия вырастила плакучую иву с тонкими серебристыми листьями, что на ветру звенят, будто колокольцы...

Люди говорят, что не осталось чудовищ...

И ошибаются. Горько, жестоко, наивно ошибаются.

Потому что Кармайкл Огненный лишь закрыл дверь, но не изгнал сумеречных тварей, что бы ни говорили глашатаи вол-

шебного ордена и сами волшебники, вознесшие Кармайкла на пьедестал великого героя. Иначе откуда в лесах Вортигерна появляются доселе невиданные существа, великаны в красных, вымоченных в людской крови колпаках, кровь на которых не высыхает благодаря колдовству, и прекраснейшие на вид создания с черной, как изнанка тени, душой, чьи жестокие забавы стали основой для новых суеверий? Уже не прежние сумеречные твари, выскальзывающие из тьмы, с изнанки тени с помощью заклинателя. Другие. Смешавшие свою кровь, свою магию с магией и кровью людей. Прижившиеся. Размножившиеся. Ставшие новым видом, с существованием которых поневоле пришлось мириться.

И не удержать было их расселение, расползались они, как горящие искры, как языки пламени от плохо затушенного костра по сухостою, охватывали одну область за другой, как лесной пожар. Не приближались они только к Алгорским Холмам, и эти древние вместилища иных волшебных созданий стали своего рода крепостью, у которой находили прибежище и люди, и звери.

Те, кто посмелее, поднимались на вершину одного из Холмов, жгли костры, искали ответы на вопросы. Некоторым удавалось увидеть истинных детей природы, увидеть ши-дани — и вернуться к людям с новым знанием, которое стало единственным средством борьбы против новой напасти. Слабости-то у сумеречных созданий, несмотря ни на что, остались прежними — огонь, магия и холодное железо. А еще соль, полынь и солнечный свет. Ярко горящий очаг, соль, рассыпанная у порога, да подкова из холодного железа над дверным косяком неплохо защищали дом от незваных гостей, приходящих с заходом солнца, а уж если пришли эти самые гости, да не желали уходить, на помощь человеку приходил добрый меч, ладанка с полынью да великая удача. Потому что без удачи в этом деле никуда, и если против мелких злобных карликов, что воровали детей из колыбели, еще можно было найти управу, то что сделаешь с великаном, который ломится в дом, пробивая крепкую бревенчатую стену, как гнилой плетень?

Люди утверждают, что чудовищ — настоящих, невиданных, опасных — уже не осталось. Сумеречные твари, существа с изнанки тени, не живые и не мертвые, почти исчезли, оставив после себя только легенды и страшилки. Впрочем, кое-кого они после себя оставили. Своих потомков, которым люди дали новое имя — «фэйри»...

Давно не появлялись живые стихии — фазэриэ. Они разбрелись по высоким заснеженным горам, прижились над необъятными океанскими просторами, ушли глубоко под землю. Ши-дани остались лишь в Алгорских Холмах, только там они до сих пор появлялись открыто перед людьми. Только у подножия четырех холмов можно было еще увидеть величественную осеннюю королеву в короне из золотой листвы и рубиновых ягод боярышника, зимнего царя в виде огромной гривастой рыси, хоровод крохотных крылатых весенниц или деву, в душный летний полдень прячущую оленьи ноги под длинной зеленой юбкой.

А фэйри... Они теперь были повсюду.

Так кто же сказал первым, что чудовищ больше не осталось?

Один бородатый менестрель, не расстающийся с дорожной палкой и раз сто латаной-перелатаной сумкой, утверждал, что слух этот первыми пустили сами фэйри.

Ведь куда как легче обмануть и загнать в качестве добычи неподготовленного путника, чем нарваться на смертоносное холодное железо, спрятанное поближе к телу. Тихо проникать в обычный дом, а не пробиваться с боем в защищенную железом, огнем и солью маленькую крепость...

К сожалению людей, далеко не каждый дом был защищен должным образом. Кто-то не желал верить рассказам, что приносили путники, проходившие мимо Алгорских Холмов, кому-то проще было доверять словам волшебников из Вортигер-на, а кто-то просто устал опасаться каждой тени, каждого слишком красивого лица, каждого шороха в ночной тьме — и последних было подавляющее большинство. Люди устали бояться темноты — и слишком многие поплатились за эту уста-

лость, за это нежелание возвращаться к тем временам, когда приходилось опасаться каждой густой тени, каждого перекрестья дорог глухой ночью...

И вновь поползли истории о тех, кто пропал без вести. О тех, кто вышел ночью во двор до соседнего дома и не дошел даже до околицы, о детях, чьи кровати поутру находили опустевшими, о женщинах, которых видели садившимися в повозку на городской ярмарке — и кто пропадал вместе с повозкой и возницей, даже не доехав до ворот...

Тогда люди вспомнили, почему боялись темноты. А вспомнив, взялись за холодное железо, огонь и соль.

И магию, что позволяла призвать на службу волшебных созданий, в том числе и самих фэйри. Они странные, не добрые и не злые, по крайней мере, они сами так о себе думают. На самом деле они просто не различают добра и зла, и в этом они невинны, как и многие волшебные существа. Молодой еще народ, что с него взять. Сколько времени прошло с тех пор, как о них стало известно? Сто лет? Нет, пожалуй, чуть побольше, но для волшебных созданий и тысяча людских лет — срок не слишком большой. Что тогда полторы сотни лет для нового народа, да еще и уходящего корнями куда-то в Сумерки, на изнанку тени? Ничто! Они как младенцы, едва научившиеся ходить и потому с жестоким и чистым любопытством познающие окружающий мир. Им некуда возвращаться, ведь путь к предкам запечатан столь крепко холодным железом и колдовством, что бейся — не бейся, а преграду не одолеть. Этому молодому народцу еще многому предстоит научиться и, быть может, у них это получится, и из жестоких в своей невинности младенцев они станут вначале разумными детьми, а потом и добрыми соседями. Или же злыми — тут уж все зависит от того, как поведут себя люди и чему они сумеют научить фэйри, которые впитывают сейчас знания, как песок воду. Фэйри наблюдают, следят за людьми, но нечасто показываются им на глаза, вот потому далеко на юге об этом новом волшебном народе, неожиданно появившемся в людских землях, даже и не знают. А их все больше и больше, они приходят в людские го-

рода и селения в человеческом облике, слушают людские разговоры, запоминают, и иногда в силу своего неуголимого любопытства соблазняют кого-нибудь из смертных, начинают жить с ним или с ней. Нечасто, но в таких союзах рождаются дети — и тогда фэйри уходят, унося с собой драгоценное дитя, обладающее не только колдовской силой молодого народца, но еще и по праву рождения наследующего жизнь в человеческих землях. Такие дети для фэйри — все равно что якоря, позволяют закрепиться на клочке земли, стать из гостей хозяевами небольшой поляны в лесу, пещеры в холмах или речной поймы.

Многие, если не все волшебные народы, начинали так свою жизнь среди людей.

Взять хотя бы тех же ши-дани — в стародавние времена они были столь же невинны в своем невежестве, как и нынешний молодой народец, тоже любили жестокие шутки. А о чем думали? Да кто же их разберет-то, милсдарь с тугим кошельком? И сейчас-то, когда Старший Народ познал добро и зло, начал понимать разницу между смертностью и бессмертием, мало кто поймет, о чем эти ши-дани думают. Хотя есть одна старая легенда о том, как ши-дани учились пониманию.

Печальная и поучительная легенда о том, как пришла в один из четырех Холмов, что на севере стоят, человеческая дева — вещунья, провидица, а может, просто благословленная дурочка — она перешла через белый костяной мост через кровавую реку, что отделяет мир людей от мира-под-Холмом, который в стародавние времена носил имя Тир-нам-Бео. А оказавшись на той стороне, встретила она с великим королем, который вначале обрадовался той странной гостье, как ребенок — новой игрушке, а потом, наигравшись, прогнал ее, постаревшую и утратившую былую красоту. Вот только до костяного моста гостя, так и не ставшая слугой, не дошла — обратилась в дерево с золоченой, что церковная утварь, корой и с алой, как пролитая кровь, листвой...

Говорят, это дерево и стало для ши-дани Древом Познания, и Старший Народ понял разницу между добром и злом. А для

тех, кто не постиг эту разницу, кто в силу молодости, глупости или беспечности не желал прикасаться к Познанию, были созданы колдовские запреты — гейсы. Слышу, как юный ученик библиотекаря шепчет своей подружке, что это Условия колдовства. Ошибаетесь, юноша, видать, не прочитали еще нужную книгу-то. Гейсы — это не Условия колдовства, это ограничения не на силу, а на волю. На право избирать свой путь. Гейсы могут показаться глупыми, странными, смешными — но только не для того, кому приходится их соблюдать. Ведь нарушишь хотя бы один из них — и судьба твоя сделает крутой поворот не к самой лучшей доле. И мало кто находит в себе силы вернуться на прежнюю Дорогу — будь то ши-дани или человек. Хотя было одно исключение, но о нем не стоит говорить, когда за окном столь яростная осенняя буря, еще накличешь беду. Да и ночь непростая, потому я и травлю тут байки вместо того, чтобы отправиться на боковую.

Фэйри? А что фэйри? «Молодому народу» гейсов еще не придумано, а если придумано — то нам, простым смертным, об этом еще нескоро станет известно...